

Повара в столовой жалели масла, и соус для жарки лишь слегка блестел жиром. Края свиной соломки, покрытой соусом, были обуглены и почернели, а сама соломка, не замаринованная заранее в воде с луком, имбирём, яичным белком и крахмалом, оказалась сухой и имела отчётливый запах свинины. Лук-порей, правда, был свежим, но уже староватым — с преобладанием тёмно-зелёного цвета над белым.

Ши Вэй жевал соломку. Она была слишком солёной и слегка подгоревшей, но, возможно, из-за того, что он наконец попробовал блюдо, о котором так долго мечтал, привкус гари превратился в аромат поджарки, а солёность — в особую приправу. Даже запах свинины стал казаться чем-то вроде экзотической специи.

Время оставалось неизменным, но возможности постоянно менялись. Ши Вэй прекрасно понимал, что хотя день был тот же, и Лу Юаньчжи, как и тогда, после занятий торопился лично принести еду, это был не тот самый момент, не то самое блюдо, которое он так часто вспоминал в своих снах.

Но какое это имело значение?

Он пробовал блюда, которые были вкуснее в сотни раз, и даже свинину по-пекински, которая превосходила эту в тысячу раз, но всё равно оставался неудовлетворённым.

Он тосковал вовсе не по свинине по-пекински. В конечном счёте, дело было не в еде, а в человеке, с которым он хотел разделить эту трапезу. И этим человеком был не тот, о ком он так долго мечтал.

Ши Вэй не мог точно определить, сколько дружбы он испытывал к Лу Юаньчжи, но щедрость, проявленная в трудную минуту, и доброта, которую он искажил, неправильно понял и даже проклял, превратились в тысячекратное чувство вины, терзавшее его.

Лу Юаньчжи, вероятно, чувствовал себя неловко из-за того, что угощал их такими простыми блюдами, и потому сидел с нахмуренным лицом, не поднимая глаз, и ел лапшу, которую принёс Ши Вэй.

На шестерых человек приходилась одна порция лапши, и каждому доставалось совсем немного. Однако Ши Вэй открыто проявлял предпочтение, и в миске Лу Юаньчжи оказалось не только больше всего лапши, но и больше всего кусочков свиных ножек.

— Вкусно, вкусно! — Линь Фэн ел с жадностью, его щёки раздувались, а глаза блестели, когда он смотрел на Лу Юаньчжи. — Юаньчжи, быть твоим другом — это удача, которую я заработал в прошлой жизни!

— Кхе-кхе-кхе! — Лу Юаньчжи, едва не подавившись лапшой, чуть не умер от смущения из-за этой навязчивой и смелой «исповеди».

Линь Фэн и его трое друзей с самого начала находились под влиянием Ши Вэя и смотрели на Лу Юаньчжи как на героя. Хотя Лу Юаньчжи с самого начала держался с ними холодно, он никогда не насмехался над ними и не оскорблял их, даже резких слов не произносил. Можно сказать, что он был тише воды, ниже травы.

Слухи о Лу Юаньчжи постоянно крутились у них в ушах, но большую часть времени они тратили на учёбу, а оставшееся время занимала подработка гидом. Каждый день они зубрили английские фразы и придумывали рекламные тексты, так что слухи быстро забывались.

Ши Вэй помог им найти эту подработку, которая не только приносила доход, но и позволяла развиваться, и они были ему бесконечно благодарны. А Лу Юаньчжи, как человек, который помог Ши Вэю, не вызывал у них сомнений в своей порядочности.

Благодаря этим двум факторам Линь Фэн и его друзья смогли взглянуть на Лу Юаньчжи более объективно и спокойно, и обнаружили, что он действительно был хорош во всём, кроме разговоров.

В их шестиместной комнате Лу Юаньчжи был самым чистоплотным. Он подметал пол как минимум три раза в день, и каждый раз они краснели от стыда, видя, как быстро накапливается мусор. На занятиях он был внимателен, учился отлично и даже принёс из дома радио, чтобы все могли слушать английский и новости.

О плохом характере и речи не шло. За полтора месяца они ни разу не слышали, чтобы он ругался или сплетничал о других.

Ши Вэй был мастером в налаживании отношений, и благодаря его усилиям, явным и неявным, Лу Юаньчжи и Линь Фэн с друзьями, хотя и не стали близки как братья, но поддерживали вежливые и дружеские отношения.

Линь Фэн и его друзья не были особенно общительными, но по сравнению с Лу Юаньчжи они говорили гораздо больше. Ели они с аппетитом, разговаривали, и их симпатия к Лу Юаньчжи моментально возросла.

— Уррррр... — На протяжении всего разговора Лу Юаньчжи держался сдержанно, но в конце неожиданно громко отрыгнул.

— Я... — Он разозлился на себя за такую неловкость. С опущенной головой он сохранял внешнее спокойствие, но его покрасневшие уши и шея выдавали его внутреннее состояние.

— Что случилось? — Линь Фэн и его друзья с удивлением посмотрели на него, не понимая, что могло вызвать такую реакцию. Они даже не заметили, что он отрыгнул, и только когда он заговорил, обратили на него внимание.

Ши Вэй хотел включить Лу Юаньчжи в разговор, но тот избегал общения больше, чем он ожидал. Даже когда Ши Вэй пытался завести разговор о его здоровье, Лу Юаньчжи отвечал только «угу» или качал головой.

— Ничего, — тихо сказал Лу Юаньчжи. Выросший в сложной семейной обстановке, он умел контролировать свои эмоции. После минутной слабости он быстро пришёл в себя.

Однако Ши Вэй заметил, что лицо Лу Юаньчжи было слегка бледным.

Он хотел спросить, не заболел ли тот, но, вспомнив его упрямство и стремление сохранить лицо, решил не спрашивать. Вдруг Лу Юаньчжи, чтобы доказать, что всё в порядке, начнёт перенапрягаться, и станет только хуже.

Обед занял не так много времени, хотя пришлось подождать, пока Ши Вэй вернётся. После еды Линь Фэн и его друзья быстро собрали миски и пошли мыть их.

— Аууууу...

В воздухе витал сильный запах мяса. Щенки, хотя ещё не пробовали мясо и не могли его есть,

от природы обладали инстинктом к нему. Обладая острым нюхом, они долго мучились от этого аромата и, подняв свои мягкие тельца, начали обнюхивать воздух в поисках еды.

— Не торопитесь, — Ши Вэй, наевшись до отвала, двигался медленнее. На глазах у щенков он разорвал булочку, залил её кипятком и размял ложкой.

— Мяууу... — Щенки, хотя и хотели мяса, не знали его вкуса. Увидев перед собой кашицу, они решили, что это и есть источник аромата, и начали жадно лизать её своими розовыми язычками.

— Хорошие мальчики, когда я заработаю денег, а у вас вырастут зубы, я добавлю вам мяса и яиц, хорошо? — Ши Вэй никогда не держал собак, но в интернете читал, что щенкам нельзя давать молоко из-за непереносимости лактозы.

Он и сам страдал от этого — стоило ему выпить чистое молоко, как через час у него начиналось расстройство желудка. Но его непереносимость была странной: если добавить в молоко что-то вроде мёда, коричневого сахара или йогурта, проблем не возникало.

Он не знал, можно ли так же решить проблему для щенков, но рисковать не хотел. У таких маленьких собак и так мало шансов выжить, он даже боялся их купать, не то что поить молоком.

Ши Вэй не был особо чистоплотным, но вид щенков, испачканных в экскрементах, тоже не радовал. Поэтому, чтобы не испачкать руки, когда он их гладил, он регулярно протирал их. Погладив их короткую, но мягкую шерсть, он вдруг заметил, что Лу Юаньчжи исчез.

— Лу Юаньчжи, ты в комнате? — Ши Вэй позвал его пару раз, но ответа не последовало. Он не придавал этому значения, так как в их комнате все привыкли к тому, что днём никто не спит, а сразу после обеда идёт в библиотеку или в класс учиться.

Но, вспомнив странное выражение лица Лу Юаньчжи, Ши Вэй почувствовал лёгкое беспокойство.

— Урррр... — Лу Юаньчжи, опёршись на стену, стошнил так сильно, что у него из глаз потекли слёзы.

<http://bllate.org/book/16388/1484099>